

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Советское военное искусство во Второй мировой войне. (Состояние страны и Вооруженных Сил перед войной, причины поражений в начальном периоде)

*Полковник в отставке А.И. КАЛИСТРАТОВ,
кандидат военных наук*

ВТОРАЯ мировая война была самым страшным испытанием в истории России. Пришедшим к власти в 1917 году и победившим в 1920 году в Гражданской войне большевикам история отпустила всего лишь 20 лет на создание государства нового типа и восстановление экономики, разрушенной до основания двумя войнами. Помимо этого необходимо было осуществить модернизацию и индустриализацию страны, ликвидировать массовую неграмотность и культурную отсталость населения, а самое главное — подготовиться к следующей мировой войне, призрак которой витал в воздухе с момента подписания грабительского Версальского договора 1919 года.

В начале 1930-х годов для нашей страны четко обозначился и противник. Гитлеровский лозунг «Дранх нах остен» полностью устраивал лидеров стран западной демократии, мечтавших расправиться с ненавистными большевиками руками германских фашистов. Они буквально подталкивали А. Гитлера к походу на восток. Лидеры Советского Союза понимали, что сражаться придется с противником, стоящим на значительно более высоком уровне экономического развития, и готовиться надо серьезно.

Будущая война виделась как война техники, война моторов. Реальная история подтвердила правильность этого предвидения. За годы войны основные страны антигитлеровской коалиции произвели порядка 2 млн артиллерийских орудий и минометов, 232 тыс. танков и САУ, около 400 тыс. боевых самолетов, а Германия — 400 тыс., 46 тыс. и 90 тыс., соответственно¹.

Решающая роль в этой войне отводилась сухопутным войскам. Они действовали в составе стратегических группировок войск: групп армий и групп фронтов. Их основную ударную силу представляли полностью моторизованные оперативные объединения танковых и механизированных войск, а также отдельные танковые части и соединения, успех применения которых обуславливался тесным взаимодействием с ударной авиацией.

Пехота была насыщена автоматическим и самозарядным оружием, появилась необычайно маневренная мотопехота, оснащенная автомобилями и бронетранспортерами. К концу войны она получила на воо-

¹ Требин М.П. Войны XXI века. М.: АСТ, Минск: ХАРВЕСТ, 2005. С. 161.

ружение очень эффективное легкое противотанковое вооружение — реактивные противотанковые ружья и гранаты. Артиллерия практически полностью перешла на механическую тягу, появилась реактивная и самоходная артиллерия. Ее массирование на решающих участках фронта было беспрецедентным и достигало 200—300 и более орудий и минометов на один километр фронта.

Активно применялись соединения и части воздушно-десантных войск, иногда даже для проведения самостоятельных операций.

Резко возросли роль, значение, численность, качество и возможности авиации. Она стала делиться на стратегическую и тактическую (фронтовую) и сводиться в оперативные объединения ВВС (воздушные армии и флоты). К концу войны появились боевые реактивные самолеты. Мощно развивались средства противовоздушной обороны.

Главную силу военно-морских сил составляли авианосцы, линкоры и крейсера с многочисленными кораблями охранения. Для решения разнообразных задач на морских и океанских театрах создавались оперативные флоты, ядром которых становились ударные авианосные соединения. Огромное внимание уделялось развитию подводного флота и морской пехоты.

Советский Союз в основном справился с задачей подготовки страны и Вооруженных Сил к войне. **Сталинский режим оказался адекватен задачам того времени.** Плановая экономика и жестокие порядки смогли обеспечить создание в кратчайшие сроки базовых отраслей промышленности и развитого военно-промышленного комплекса.

Как бы то ни было, но к этой войне страна оказалась подготовленной намного лучше, чем к предыдущим. Накануне войны Красная Армия имела орудий и минометов в 1,6; боевых самолетов в 2,3; танков в 3,3 раза больше, чем германская армия. Даже подводных лодок у нас было в 1,7 раза больше, чем у немцев².

В военно-политической области были однозначно определены: противник — нацистская Германия и ее сателлиты, а также цель войны — полный разгром врага на его территории. Считалось, что вооруженная борьба будет отличаться решительностью, ожесточенностью и бескомпромиссностью, война будет длительной, напряженной, высокоманевренной и беспощадной, с участием массовых армий, потребует предельной мобилизации всех материальных и духовных сил страны. Именно поэтому концепция предполагала принятие решительных, пусть и противоречащих некоторым нормам международного права, практических мер по упрочению ее военно-стратегического положения.

В военно-стратегической области действовала концепция строительства массовой многомиллионной армии при максимально возможной ее механизации и моторизации. Генеральным штабом была принята *концепция наступательной «стратегии сокрушения»*, осуществляемой путем проведения ряда последовательных стратегических операций, построенных на принципах теории «глубокой операции».

В военно-экономической области действовали концепция подчинения всей экономической жизни страны вопросам обеспечения военной безопасности и концепция создания второй индустриальной базы государства в Урало-Кузнецком регионе. Последняя концепция была основополагающей, так как именно этот регион в годы войны оказался становым хребтом всей военной экономики СССР, что позволило стране устоять даже после катастрофических поражений в 1941–42 годах.

Самое главное, данные концепции неуклонно претворялись в жизнь. **В военно-политической области** предпринимались попытки заключения

² Военная энциклопедия, М.: Воениздат, 1997. Т. 1. С. 33, 35.

направленного против гитлеровской Германии военного союза со странами западной демократии. После провала этих попыток (причем, не по вине СССР) с целью выигрыша времени с Германией и был заключен пресловутый, проклинаемый либералами и демократами «Пакт о ненападении». Это был точный ход сталинской политики, в результате которого агрессивные устремления Германии были повернуты на 180 градусов, а страна получила столь необходимую ей более чем годовую передышку.

В результате воссоединения западно-украинских и белорусских земель, восстановления гегемонии в Прибалтике и переноса государственной границы с Финляндией **значительно улучшилось военно-стратегическое положение страны:** умножились ресурсы государства, а линия соприкосновения с вероятным противником была отодвинута на сотни километров.

Гитлеровцы были лишены возможности включить в состав своих ударных группировок войск три сотни тысяч хорошо вооруженных солдат армий прибалтийских государств, создать из украинских националистов, а также прибалтийских нацистов добрый десяток эсэсовских дивизий и применить их в первом ударе.

Эти действия Советского Союза в то время не вызвали на Западе и в «демократических кругах» истерической реакции. Они были с пониманием восприняты наиболее ответственными лидерами Запада. Об этом убедительно говорит в своих воспоминаниях У. Черчилль: «В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. ...Им нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»³.

В **военно-стратегической области** сокрушительный разгром японских милитаристов в 1939 году на реке Халхин-Гол навсегда отбил у них охоту сражаться с Красной Армией и во многом способствовал предотвращению открытия второго фронта против СССР. Разгром финской армии в так называемой зимней войне 1939–40 годов не только обезопасил Ленинградский индустриальный район от весьма вероятной угрозы со стороны Финляндии, прогерманские симпатии политического руководства которой были общеизвестны, но и во многом умерил активность и аппетиты выступивших на стороне Гитлера финнов.

Кстати, в ходе этой войны, несмотря на массу выявившихся недостатков, Красная Армия совершила подвиг: в условиях крайне труднодоступной местности и северной зимы она прорвала на Карельском перешейке мощную укрепленную линию обороны противника — линию Маннергейма. Мировая история не знала примера столь масштабного прорыва такой развитой системы долговременных укреплений в критически сложных физико-географических условиях.

Эта линия по фронту составляла 135 км, в глубину — 90 км и имела три долговременных оборонительных полосы, включавших 350 железобетонных и 2400 каменно-дерево-земляных оборонительных сооружений, приспособленных к условиям местности и вписанных в мощную систему инженерных заграждений. Линию обороняла Карельская армия финнов генерала Х.В. Эстермана численностью 135 тыс. человек⁴.

³ Мухин Ю.И. Польша в НАТО? Туда ей и дорога. М.: Яуза, 2005. С. 120.

⁴ Шефов Н.А. Битвы России. М.: АСТ, 2004. С. 324—325.

Утверждения некоторых историков-дилетантов о якобы чрезмерных потерях Красной Армии в личном составе при ее прорыве несостоятельны. Профессионалы хорошо знают, что такое прорывать надежно прикрывтую заграждениями подготовленную оборону противника со средней плотностью свыше 20 прочных огневых сооружений на 1 км фронта. При этом плотность полевого заполнения системы укреплений была исключительно высока и достигала тысячи хорошо подготовленных и прекрасно приспособленных к местным условиям бойцов на 1 км обороняемого фронта. Поэтому **реальное соотношение потерь (4,5 : 1) не превышает расчетных показателей.**

В предвоенный период оснащение войск Красной Армии очень даже неплохим для своего времени вооружением и военной техникой шло невиданными в военной истории темпами. Однако недопонимание характера современной вооруженной борьбы, фактическое игнорирование в военной доктрине, теории и практике военного искусства вопросов стратегической обороны, которую пришлось вынужденно вести в начальном периоде войны, недооценка реальных возможностей вероятных противников, а также ошибки в проведении военно-технической политики в последующем поставили Вооруженные Силы СССР в крайне тяжелое положение.

Вместе с тем блистательная реализация доктринальных концепций в **военно-экономической области** позволила исправить практически все допущенные в начале войны ошибки военно-политического руководства. Страна, не способная в первые годы существования самостоятельно произвести ни одного мотора, **через двадцать лет** в годы войны ежемесячно выпускала по 2—2,5 тыс. танков, обладавших прекрасными боевыми качествами! Всего за войну было произведено 103 тыс. танков и САУ и 112 тыс. современных для того времени боевых самолетов⁵.

Кстати, перед войной Красная Армия была единственной армией в мире, которая массово оснащалась очень эффективной самозарядной винтовкой СВТ-40, не уступавшей знаменитой «трехлинейке» по кучности боя и в два раза превосходившей ее по практической скорострельности. Примечательно, что конструкция этой винтовки была полностью заимствована немцами при разработке собственной, марки G-43⁶.

Поэтому если царская Россия не выдержала ударов и третьей части германских сил, то Советский Союз практически один на один три года противостоял всей опирающейся на экономику оккупированной Европы мощи стран «оси». Именно Красная Армия, по образному выражению У. Черчилля, выпустила кишки из германской военной машины. При этом нам пришлось сражаться с самой совершенной в истории человечества и эффективной военной организацией.

В то же время СССР, несмотря на несомненные успехи, перед войной продолжал отставать от своих противников практически по всем цивилизационным показателям, особенно в экономике. Так, в 1939 году мы выплавляли лишь 79 % стали, добывали 40 % угля и производили 70 % электроэнергии от уровня только одной Германии. Это соотношение резко изменилось не в нашу пользу в конце 1940 года, когда на гитлеровцев стали работать 6,5 тыс. предприятий и три млн квалифицированных рабочих развитых стран Европы, а сырьевые и продовольственные ресурсы Германии возросли в два-четыре раза.

Удручающей была низкая степень развития социальной среды. При этом самым страшным было отставание в качестве людских ресурсов: в грамотности, подготовленности и дисциплинированности управлен-

⁵ История Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1974. Т. 12. С. 168.

⁶ Гнатовский Н.И., Шорин П.А. История развития отечественного стрелкового оружия. М.: Воениздат, 1959. С. 212—213.

ческого персонала и работников производства, а также отставание в качестве технологий и средств производства, в энергетической и технической вооруженности экономики.

Наиболее ярко оно проявилось в машиностроении, в его самой передовой и востребованной на то время отрасли — автомобильной промышленности. Годовое производство автомобилей в Германии, в оккупированных ею странах и в странах ее европейских союзников накануне нападения на СССР составило 676 тыс., а у нас в 1940 году — всего лишь 145 тыс. единиц (21 %)⁷.

Именно цивилизационное неравенство и послужило первопричиной наших ужасающих военных поражений и вопиющего несоответствия людских потерь первых двух лет войны.

Тем не менее советскому руководству удалось мобилизовать все силы страны на отпор агрессору, развернуть широкомасштабную народную войну, в ходе ожесточенных сражений создать принципиально новую и хорошо оснащенную армию, а также вырастить плеяду замечательных военачальников.

К сожалению, первоначально руководство государства крайне неразумно распорядилось колоссальной мощью обновленной страны. Вследствие этого начальный период войны был полностью проигран, а последствиями стали жестокие и кровавые уроки лета 1942 года. Конкретные причины наших тяжелейших военных поражений носили **субъективный и объективный** характер.

Во-первых, советское руководство путем проведения безумных репрессий фактически обезглавило армию перед самой войной, что привело к вопиющей деградации всей системы военного управления. Одномоментное изъятие из армии около 32 тыс.⁸ профессионалов, имевших значительный практический опыт, крайне отрицательно сказалось на состоянии всей системы управления войсками, их боеспособности и мобилизационной готовности.

Во-вторых, Генеральный штаб абсолютно не верно оценил противника, его боевые возможности, особенно возможности ударной авиации, оперативных объединений танковых и механизированных войск, не вскрыл замысел и вероятный характер его действий, сделал необоснованную ставку на немедленную реализацию с началом войны своей, в целом правильной, наступательной военной доктрины.

На первый взгляд, избранный алгоритм отражения агрессии и разгрома противника соответствовал стратегическим целям и не противоречил логике. Предполагалось вторжение передового эшелона агрессора отразить в своей приграничной зоне силами войск прикрытия, т. е. армиями первого эшелона, а его прорвавшиеся группировки уничтожить контрударами механизированных корпусов, составлявших второй эшелон. В дальнейшем планировалось всеми силами перейти в решительное наступление и разгромить противника в его приграничной зоне. С завершением развертывания второго оперативного эшелона — перенести вооруженную борьбу в глубину территории врага.

Однако этот план не был реализован. Агрессор вложил всю имевшуюся в его распоряжении мощь в первый удар, применив в первом эшелоне все четыре оперативных объединения танковых и механизированных войск. Эти объединения (так называемые танковые группы) на своих направлениях наступления в считанные часы просто разогнали нашу не имевшую эффективных противотанковых средств, да еще и

⁷ Гнатовский Н.И., Шорин П.А. История развития отечественного стрелкового оружия. С. 285, 377.

⁸ Баранец В. Пять мифов о Великой Отечественной // Комсомольская правда. 2006. 5 мая. С. 10.

не полностью боеготовую пехоту, открыв простор для стремительного прорыва в глубину.

Подобный характер действий имел для нас крайне неожиданный и шокирующий эффект. Войска первого оперативного эшелона оказались абсолютно не готовы ни морально, ни физически к отражению массированных танковых ударов противника с первого дня войны.

Незнание реального качественного состояния германских вооруженных сил привело к тому, что попытки остановить прорвавшиеся группировки войск противника контрударами механизированных корпусов закончились массовым истреблением нашей бронетанковой техники. Легкие танки с противопульной броней, составлявшие основу вооружения наших механизированных корпусов, уничтожались не только авиацией, артиллерией и танками противника, но и пехотой, имевшей достаточное количество весьма эффективного противотанкового вооружения. Применявшаяся нами тактика не соответствовала конкретно сложившейся обстановке.

Явная недооценка врага, стремление не допустить потери даже клочка своей территории и жгучее желание наступать во что бы то ни стало привели к тому, что районы дислокации наших приграничных группировок войск и оперативного развертывания вторых эшелонов, а также расположения их материально-технических ресурсов были неоправданно приближены к Государственной границе.

Подобное положение во многом усугублялось отсутствием казарменного, паркового и складского фондов, которые просто не успели построить. Все это привело к тому, что значительная часть соединений и частей войск прикрытия, особенно в Западной Белоруссии, где своевременно не были выполнены указания Генерального штаба от 18.06.41 года о приведении войск прикрытия в боевую готовность, попала под огневые удары артиллерии противника еще в пунктах дислокации.

Критичным было и то, что Генеральный штаб сделал неверные выводы о вероятном замысле действий противника. Предполагалось, что главный удар гитлеровцы нанесут на Киевском направлении, а вспомогательный — на Ленинградском. Исходя из этих ошибочных предположений был избран совершенно неприемлемый способ разгрома вероятного противника, а соответственно — и порядок оперативного развертывания войск.

На самом деле главный удар, в нанесении которого участвовали две самые сильные танковые группы врага, был осуществлен на Московском направлении, а вспомогательные удары — на выше указанных направлениях. При этом танковые группы противника еще в своих исходных районах буквально нависли над флангами нашей Белостокской группировки войск. Вследствие этого дислокация на так называемом Белостокском выступе трех лучших советских армий не имела стратегического смысла, так как изначально охватывающее положение ударных группировок войск гитлеровцев обрекало их на поражение. Они еще до начала боевых действий оказались в полуокружении, что было верхом стратегического легкомыслия. Поэтому вместо планируемого мощного удара в стык между ударными группировками войск противника войска Западного фронта столкнулись с упредившими нас в развертывании его главными силами. Охватывающее положение ударных группировок войск врага в отношении этого пресловутого выступа, общее превосходство неприятеля в силах, оперативной мобильности, в воздухе не позволили вовремя исправить допущенные ошибки.

В-третьих, советское руководство не смогло лишить противника возможности эффективно реализовать преимущества стратегической и

оперативной внезапности. При этом следует отметить, что политической внезапности нападения не было. Об этом убедительно свидетельствует в своем докладе А. Гитлеру об обстоятельствах подписания пресловутого «Пакта о ненападении» министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, утверждая, что присутствующий при этом И.В. Сталин заявил: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. **Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас**»⁹.

Достижению противником стратегической внезапности во многом способствовало отсутствие каких-либо признаков подготовки вермахта к проведению зимней кампании. Советскому руководству и в голову не могло прийти, что германский генеральный штаб спланирует начало агрессии на вторую половину июня, не предприняв никаких мер по элементарной подготовке к суровой русской зиме. Ведь нашей разведке было достоверно известно, что в 1941 году в Германии не было произведено ни капли зимних моторных топлив и масел, а также оружейных смазок. На рынке не было закуплено ни клочка шерсти и материалов для пошивки теплого зимнего обмундирования. Никто не ожидал от Гитлера крупномасштабных действий именно в это время, предполагалось проведение более или менее масштабных вооруженных провокаций, поэтому мы и опоздали с оперативным развертыванием.

Следствием всего этого был полный разгром приграничных группировок войск Красной Армии в процессе их оперативного развертывания* и стремительный прорыв танковых объединений гитлеровцев в глубину страны. На момент начала агрессии в районы оперативного предназначения прибыло лишь около 10 % перегруппировывавшихся в соответствии с планами первых операций сил и средств.

Развертывание проводилось, скорее всего, с целью сдерживания потенциального агрессора готовностью к ведению наступательных действий стратегического масштаба. Ведь по очень многим признакам И.В. Сталин, осознавая реальное качественное соотношение сил сторон, стремился оттянуть начало войны хотя бы на год, чтобы завершить перевооружение Красной Армии и формирование трех десятков механизированных корпусов. Как бы там ни было, группировки наших войск преступно бездумно развертывались у самой государственной границы, на виду у завершившего оперативное развертывание и полностью готового к наступлению противника. Конечно же, давно решившиеся на агрессию гитлеровцы (кстати, в соответствии с планом «Барбаросса» операция должна была начаться в мае) не могли не воспользоваться удачно сложившейся для них обстановкой.

Внезапный удар привел к тому, что войска прикрытия не оправдали возлагаемых на них надежд, а их лучшие, отлично оснащенные, но не полностью боеготовые кадровые дивизии и прибывшие резервы были разгромлены.

В-четвертых, уровень стратегического и оперативного руководства советскими войсками в первые два месяца войны был крайне низким. Система стратегического управления вооруженными силами фактически не была подготовлена в мирное время и с большим трудом налаживалась уже в ходе сражений. Достаточно сказать, что известие о падении Минска советское руководство получило не от Генерального штаба, который не имел с войсками элементарной связи, а из сообщений зарубежного радио. Поэтому решения военно-политического руководства

⁹ Розанов Г.Л. Сталин и Гитлер. М.: Международные отношения, 1991. С. 95.

* На 22.06.41 г. в пути находилось 455 воинских поездов перегруппировывавшихся войск, 401 даже не приступил к погрузке, к месту назначения прибыли лишь 83. (Исаев А. Антисуворова. М.: Яуза-Эксмо, 2004. С. 42).

на преодоление кризисных ситуаций были, как правило, запоздалыми и зачастую не соответствовали объективно складывавшейся обстановке.

Командования приграничных оперативных объединений не имели ни соответствующего опыта, ни боевой практики, ни эффективных средств управления и во многих критических положениях просто полностью теряли управление соединениями и частями.

Так, буквально на второй день войны советское стратегическое руководство, абсолютно не представляя реального положения дел на фронтах, в угоду исполнению уже очевидно ошибочных планов проведения первых операций бросило в абсолютно бессмысленные контрудары практически все свои мало-мальски боеготовые механизированные корпуса.

Естественно, что эти совершенно не подготовленные контрудары провалились, так как возможности проводящих их войск явно не соответствовали возложенным задачам. Кроме того, корпуса вводились в сражение по частям (по мере подхода к фронту), в условиях полного господства авиации противника в воздухе, отсутствия должного взаимодействия с артиллерией и пехотой, при нарушенной системе снабжения горючим и боеприпасами, при отсутствии дееспособной системы технического обеспечения.

В ходе этих контрударов были потеряны почти все танки и фронтовые объединения с самого начала войны остались без подвижных резервов, способных оперативно реагировать на глубокие прорывы германских войск. В составе стратегических резервов танковых соединений также не было, поэтому на усиление сражающихся войск направлялись лишь поспешно сформированные отдельные танковые батальоны, полки и бригады.

С разгромом 3-й, 10-й и 4-й советских армий, окруженных на так называемом Белостокском выступе, а также войск, оказавшихся в Минском котле (всего 44 дивизии), противником по существу был осуществлен стратегический прорыв* нашего Западного фронта (рис. 1).

Наши войска оказывали ожесточенное сопротивление. Ликвидация окруженных советских соединений была завершена противником лишь 9 июля.

Попытки любой ценой остановить рвущиеся на восток моторизованные германские войска, последовательно бросая под гусеницы их танков многочисленные, наспех сформированные, плохо вооруженные и подготовленные пехотные соединения, приводили к огромным людским потерям.

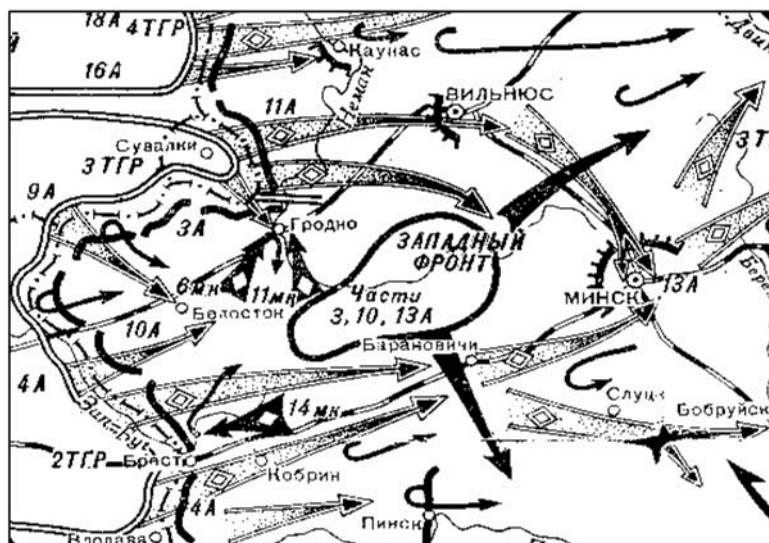
В начале сентября вышедшая на оперативный простор 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана, а вслед за ней и 2-я армия врага были повернуты на юг, в тыл главным силам нашего Юго-Западного фронта. Навстречу им в северном направлении стремительно наступала 1-я танковая группа генерала фон Клейста, которая с ходу форсировала Днепр в районе Кременчуга. Обозначилось кольцо окружения армий Юго-Западного фронта. При этом танковая группа врага совершила почти семисоткилометровый марш-маневр, активно участвуя в создании и ликвидации Уманского и Киевского котлов.

Верховное командование все еще не понимало характера современной войны, не осознавало высочайшей динамики ведения наступательных операций оптимально организованными, хорошо подготовлен-

---

* Под стратегическим прорывом понимается создание наступающей стороной в построении первого оперативного эшелона обороняющегося противника такой бреши, которую он не в состоянии закрыть имеющимися на стратегическом направлении резервами. (Прим. автора).

Рис. 1. Разгром советских войск в Белоруссии летом 1941 года

ными и сплоченными оперативными объединениями танковых войск, а также не представляло мощи современной авиации.

В тех условиях и сами региональные оперативно-стратегические объединения просто физически не могли своевременно реагировать на возникавшие угрозы окружения. Причинами этого были: крайне низкий уровень моторизации, а следовательно, и подвижности войск; отсутствие механизированных войск (большинство танков осталось на полях сражений в приграничной зоне); полное господство авиации противника в воздухе; примитивные средства и способы управления войсками.

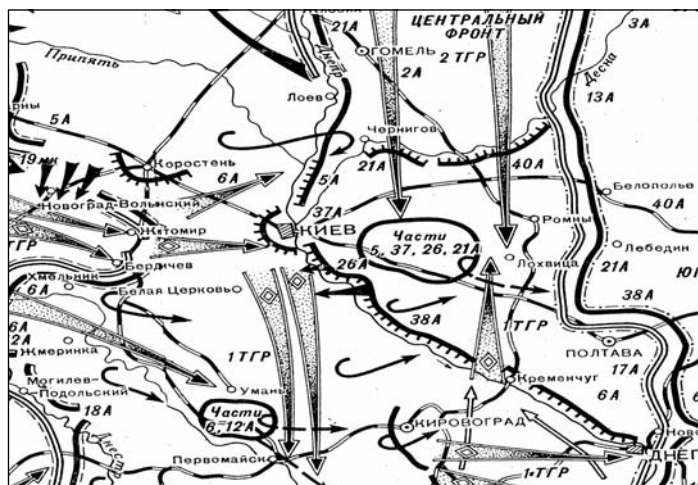
15 сентября кольцо оперативно-стратегического окружения наших войск под Киевом и Уманью замкнулось. В котел попали соединения и части 5-й, 21-й, 26-й и 37-й армий вместе с командующим и штабом фронта, насчитывавшие в своем составе до начала операции порядка 677 тыс. человек¹⁰ (рис. 2).

Фронтное управление вместо быстрого сокращения занимаемого фронта в интересах создания круговой обороны и высвобождения сил для прорыва пока еще не сплошного и не плотного кольца окружения отдало лишь общие указания и занялось собственным спасением, фактически бросив войска на произвол судьбы. При этом последовала своеобразная цепная реакция распада оперативного звена управления.

В условиях прерванного управления войсками не было предпринято ни одной серьезной централизованной попытки выхода из окружения. Оказывая ожесточенное сопротивление, не имевшие ни боеприпасов, ни горючего, ни рациональной координации войска прорывались из котла по собственному разумению.

Потеря управления объединениями, соединениями и частями, которые действовали разрозненно, без должной связи друг с другом, а также острый недостаток танков, авиации и автотранспорта явились основными причинами этих крупнейших поражений Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны.

¹⁰ Кларк А. Вторая мировая война. План «Барбаросса». М.: Центрполиграф, 2004. С. 145, сноска 1. Не безынтересно, что довольно умело оборонявшей Киев 37А командовал печально известный в последствии генерал А.А. Власов (прим. автора).

Рис. 2. Поражение советских войск под Уманью и Киевом летом и осенью 1941 года

Тем не менее к началу декабря 1941 года вследствие упорного сопротивления советских войск практически утративший свои наступательные возможности вермахт* наконец-то был остановлен. В условиях наступивших жутких и неожиданных для не подготовленного к зиме противника холодов фронт стабилизировался, мы получили желанную оперативную паузу для мобилизации сил.

За шесть месяцев непрерывного наступления противник вторгся на территорию нашей страны на 850—1200 км и разгромил 125 советских дивизий. Вооруженные Силы потеряли 3 млн 978,7 тыс. человек, в том числе 2 млн 841,9 тыс. безвозвратно, 20 тыс. танков, 60 тыс. орудий и минометов, 17 тыс. самолетов. Потери гитлеровцев составили порядка 750 тыс. человек (1:5) и 2400 танков (1:8), было разгромлено 26 дивизий и 13 бригад противника¹¹. С 22 июня по 11 октября враг потерял 2789 боевых самолетов¹².

Наступившая осенне-зимняя распутица и холода значительно ограничили подвижность немецких танковых и моторизованных соединений, что в совокупности с понесенными значительными потерями резко снизило их боевые возможности. Наличие перегруппированных резервов из Сибири и Дальнего Востока позволило нашим войскам перейти в контрнаступление на Московском направлении даже при неблагоприятном соотношении сил (по основным показателям примерно 1:1,5).

Нужно отдать должное неслышимой воле, мужеству и упорству советского руководства, которое после ряда ужасных поражений стратегического масштаба сумело удержать фронт, подготовить и успешно провести против превосходящих сил противника стратегическую контрнаступательную операцию. Благодаря неимоверным усилиям руководства страны за пять месяцев войны было сформировано и направлено в действующую армию 240 стрелковых дивизий и 94 бригады¹³.

* Потери вермахта под Москвой лишь с 16 ноября по 5 декабря 1941 года составили 153 тыс. человек убитыми, ранеными и обмороженными, около 800 танков и 1500 самолетов. Потери советских войск резко сократились: в начале октября они составляли свыше 80 тыс. человек в сутки, в конце ноября — 4—5 тыс. человек. (Шефов Н. Битвы России. М.: АСТ, 2004. С. 359).

¹¹ Военная энциклопедия. 1998. Т. 2. С. 38.

¹² Мухин Ю.И. Если бы не генералы. М.: Яуза, 2006. С. 86.

¹³ Военная энциклопедия. Т. 2. С. 37.

Контрнаступлению под Москвой предшествовала мастерски подготовленная и проведенная с 17 ноября по 2 декабря 1941 года под Ростовом частная контрнаступательная операция войск Южного фронта и 56-й отдельной армии под руководством маршала С.К. Тимошенко.

В ходе этой операции в условиях примерного равенства с противником в силах и его двукратного превосходства в танках искусно нанесенным ударом во фланг и тыл, впервые с 1 сентября 1939 года была разгромлена целая немецкая танковая армия (бывшая 1-я танковая группа генерала фон Клейста).

Контрнаступление под Москвой (5.12.41 — 7.01.42), явившись следствием развития серии успешно проведенных контрударов под Дмитровом, Апрелевкой и Каширой, осуществлялось в условиях острой нехватки вооружения и военной техники. Вследствие этого оперативные плотности сил и средств были крайне низкими: на дивизию (5—14 км) — 14—27 орудий и минометов и 1—2 танка на 1 км фронта¹⁴. Правда, следует отметить, что к этому времени наша авиация на Московском направлении имела оперативное господство в воздухе. В этих условиях для достижения победы требовалось проявление высокого уровня военного искусства.

Прежде всего советское командование правильно оценило реальное состояние противника: он был обескровлен, изможден, утратил наступательные возможности и элементарно замерз, будучи не подготовленным к русской зиме. Гитлеровцы не имели резервов и оборонительных рубежей в глубине, его автобронетанковая техника обладала ограниченной подвижностью и сгрудилась вдоль дорог, личный состав, спасаясь от холода, концентрировался вокруг редких населенных пунктов. Противник был не в состоянии даже перейти к нормальной позиционной обороне и примитивно создавал на достигнутом рубеже очаговые районы сопротивления вокруг населенных пунктов и объектов коммуникаций, между которыми были большие неконтролируемые промежутки.

Советскому командованию удалось достичь оперативной внезапности за счет скрытного выдвижения и развертывания резервов, а также перехода в наступление без паузы, практически еще в ходе ведения ожесточенной обороны. Оно выгодно использовало конфигурацию линии фронта, охватывающую наступающие севернее и южнее Москвы ударные группировки фашистов. Была применена оптимальная для данных условий форма оперативного маневра — нанесение силами трех фронтов на почти тысячекилометровом фронте серии из 15 дробящих ударов с целью рассечения группировки противника и разгрома его по частям. При этом главные усилия сосредоточивались на флангах группы армий «Центр» для создания условий окружения ее основных сил.

Советские войска, обходя опорные пункты и узлы сопротивления противника, устремились в глубину его оперативного построения. Началось массовое отступление противника, зачастую превращающееся в паническое бегство. В целях стабилизации обстановки А. Гитлер впервые с начала Второй мировой войны вынужден был ввести чрезвычайные меры, вплоть до расстрела военнослужащих за самовольное оставление позиций.

В результате контрнаступления удалось нанести поражение пытавшимся обойти столицу с севера и юга ударным группировкам врага (16 танковым, 4 моторизованным, 23 пехотным дивизиям). Противник понес огромные потери. По свидетельству историка А. Кларка, из четырех танковых дивизий 4-й танковой группы только в одной остава-

¹⁴ История Второй мировой войны. Т 4. С. 282.

лось более 15 танков, а к концу декабря во всех частях танковой группы генерала Г. Гудериана было менее 40 исправных танков¹⁵.

Советские войска отбросили врага на 100—250 км и **перехватили на Западном направлении оперативно-стратегическую инициативу**. Морально-психологические последствия имели стратегическое значение, так как это было *первое крупное поражение фашистов в войне*, которое развеяло миф о его непобедимости. Неслучайно тот же историк А. Кларк утверждает: «То, что русские смогли оправиться, и их зимнее наступление 1941 года остаются *одним из самых замечательных достижений в военной истории, но драматизм этих событий заключался в существенной нехватке материальных средств и талантливых людей, от чего продолжала страдать советская военная машина*»¹⁶.

Историк знал, что говорил. С началом германской агрессии практически все военные специалисты в мире предрекали скорый крах СССР. Американские эксперты считали, что наша страна продержится не более трех месяцев, начальник Имперского генерального штаба британский фельдмаршал Д. Дилл дал Красной Армии всего шесть недель, а британский посол в Москве С. Криппс — месяц¹⁷.

Удивительная победа под Москвой в значительной степени подняла моральный дух народов и армий всех стран антигитлеровской коалиции, появился первый проблеск надежды на достижение общей победы над фашизмом.

---

¹⁵ Кларк А. Вторая мировая война. План «Барбаросса». М.: Центрполиграф, 2004. С. 181.

¹⁶ Там же. С. 183.

¹⁷ Мухин Ю.И. Если бы не генералы. С. 276.